

Этнокультурная самобытность – жива ли она?

«Россия ещё более десяти веков назад
переняла восточно-христианскую тради-
цию равноправности различных народов
в едином социокультурном пространстве
от византийцев».

М.А. Елдин

Н.А. Бердяев утверждал, что нация есть категория «по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая. Она есть порождение совершенно своеобразной историче-
ской действительности... Национальное сознание погружено в глубину жизни, в недра историче-
ской реальности, единой и неповторимой».

Многие учёные сходятся во мнении, что в современный период, несмотря на процессы модернизации, характерные для индустриальных обществ, этническая идентичность по-прежнему остаётся устойчивой. В связи с этим возникает необходимость изучения проблем взаимообогащения, но не слияния культур разных народов, населяющих конкретную территорию.

Рассмотрим особенности взаимодействия этнокультур нашего региона и выявим его отличительные черты. Признание права каждой нации на культурную самобытность и на её стремление заимствовать у других народов лучшие культурные традиции – главная особенность как российского государства в целом, так и его конкретного субъекта – Симбирско-Ульяновского Поволжья.

Н.А. Бердяев неоднократно доказывал, что благодаря специальному географическому расположению Россия не укладывается в жёсткие рамки восточной или западной культуры. Противоречивость и сложность «русской души» (и вырастающей из этого русской культуры) он объяснял тем, что в России сталкиваются и взаимодействуют два потока мировой истории и культуры: Восток и Запад. Поэтому «всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное».

В Ульяновской области образовались свои этноконтактные зоны – сопредельные районы края с Татарстаном, Чувашей и Мордовией. Именно в этих условиях за многовековую историю нашего края здесь сложился политечнический состав населения.

В соответствии с данными отечественных переписей населения в XIX–XX вв. и Симбирская губерния, и Ульяновская область отличались, с одной стороны, разнообразной многонациональностью, а с другой – преобладающей долей русского, татарского, чувашского и мордовского населения. Эти народы оказали наибольшее влияние на формирование культуры симбирской территории. Благодаря длительному взаимодействию в нашем крае постепенно сложилось некоторое этнокультурное сходство славянских и других народов при сохранении их региональных собственно этнокультурных особенностей. При этом процесс толерантного взаимодействия этих культур шёл при отсутствии межнациональных распрей и конфликтов.

Ещё одной особенностью этнокультурного взаимодействия является влияние (и в наши дни) на культуру

территории традиций древних этносов: финно-угорского и булгарского. Финно-угорский народ, поселившийся на данной земле ещё в древности, испытывал наибольшее количество разноэтнических влияний и, тем не менее, сохранил свою индивидуальность. Языческие традиции, в том числе и мордовские, легли в основу этнокультур терриитории. Булгарское влияние связано с появлением на Средней Волге раннефеодального государства – Волжская Булгария, объединившего народы региона, что также способствовало созданию общих культурных традиций. Достаточно длительное существование этого государства наложило свой отпечаток на этнокультуру края. Так, казанский этнограф Е.П. Бусыгин отмечает, что «в кожевенном, ювелирном деле русских ремесленников прослеживается влияние древнего опыта булгарского мастерства». Сравнительное исследование И.Н. Смирновым костюма народов Поволжья показало, что законодателями и учителями народов Волжского края в прикладном искусстве являются булгары. Н.А. Халиков утверждает, что в основе общности средневолжских народов «лежит булгарская «степная» земледельческая традиция, распространившаяся на «лесную» агрокультуру соседних финно-угорских народов».

Значимой особенностью этнокультурного взаимодействия нашего региона является доминирующее влияние русской культуры, которое активно проявилось после заселения Симбирского региона русскими. В научной литературе данные вопросы освещены на уровне материальной культуры средневолжских народов. Так, Е.П. Бусыгин отмечал, что «русские крестьяне стали использовать «татарский сабан»..., переняли характерную для местного населения кладь «кибэн»». И.В. Маковецкий констатировал наличие единых мотивов декора жилищ русских и чувашей Ульяновской области. О.А. Туркина доказывала, что «русские активно взаимодействовали с коренным населением и переняли многие культурные традиции, в том числе халатообразную и безрукавную одежду, кожаную обувь, а также и лыковые лапти местных народов». По утверждению Н.А. Халикова, широко распространённые у марийцев двухэтажные клети к концу XIX века появились и на усадьбах татар, чувашей. Положение печи в передней части избы и бани у татар-мишарей и русских считается мордовско-чувашским влиянием. Многообразно в практике зодчества местного населения влияние

и русского домостроения: «П» и «Г»-образная планировка двора и другое.

Духовное взаимодействие культур народов Поволжья ещё только начинает изучаться учёными. Подчёркивая важность исследования духовного взаимопроникновения этнокультур, М.А. Елдин характеризует Россию как «симбиоз» народов, синтез различных культур, «сплав», родивший общее мировоззрение и общий образ жизни».

Рассмотрим особенности взаимовлияния миропредставлений поволжских этносов через отражение их мировоззрения в различных духовных традициях, используя материалы полевых исследований, которые мы осуществляли в районах Ульяновской области.

Важной составляющей народного искусства является орнамент, через символы фиксирующий духовную культуру этносов. Язык орнамента – это своего рода система национального письма. По свидетельству В.В. Стасова, каждая строчка имеет своё значение. По его же утверждению, «в начале XIX в. создатели вышивки ещё помнили смысловое значение украс, жив был и обряд чтения узоров. Но во второй половине XIX в. содержание народного узорочья стало забываться».

В дореволюционное время исследователи описывали орнаменты в статьях, которые чаще всего не содержали иллюстраций. Это усложняло восприятие материала. Исключением может служить выпущенный В.В. Стасовым в конце XIX века альбом о русском народном орнаменте, используемом в шитье, ткани, кружевах, среди образцов которых есть и работы симбирских

Татарская шапочка

Фрагмент узора русского кокошника

Мордовская вышивка бисером

Чувашские женские украшения

мастериц. Подобный однокрасочный альбом чувашских вышивок издал уже в 1920-е годы ульяновский художник Д.И. Архангельский.

На основе анализа предметов этнографической коллекции Ульяновского государственного педагогического университета нами были выявлены следующие особенности орнаментальных композиций, используемых в вышивках мастерниц Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Наиболее часто представлены в изучаемой коллекции геометрические, растительные и зооморфные элементы орнамента. В чувашском исполнении все они стилизованы по линии геометризации объектов. Это связано, с одной стороны, с наличием у данного народа счётной техники вышивки по фактуре ткани, где нельзя применять другие формы, а с другой, с древними языческими традициями, сохранившимися у чувашей и запрещавшими изображать реальные образы.

Элементом орнамента сугубо симбирским названием является «перунов цветок» – восьмиконечная звезда, который выступал в узоре как оберег от смерти. Чаще всего обозначенный символ можно встретить на обрядовых полотенцах. Подобный элемент встречается и в чувашских орнаментах, в которых, по свидетельству Г.Н. Волкова, символизирует гармонию.

При выборе цвета в русском симбирском вышитом орнаменте предпочтение отдавалось красному и чёрному, при этом красный являлся символом радости и торжества, а чёрный – плодородия и благополучия. Данные цвета во второй половине XIX века были популярны и в работах остальных народов Симбирского Поволжья. Основными тонами в чувашской вышивке являлись оттенки красного цвета – от тёмно-красного (бордового) до розово-красного (палевого) и чёрный. В качестве дополнительных – разнообразные оттенки зелёного цвета.

Техника выполнения вышивки также была единой для народов Поволжья: крест, гладь и тамбур. Однако у чувашских мастерниц гладь состояла из стежков, вытянутых в одном направлении. Причём эта гладь была двусторонней. Русский крест, русскую гладь для оформления вышивки заимствовали в XIX веке многие поволжские народы. Татарские и мордовские умелицы чаще использовали для оформления одежды бисер. У чувашского народа бисером, монетами и бляшками были обильно украшены головные уборы.

В Среднем Поволжье многовековой опыт культурного взаимодействия повлиял на формирование единых фольклорных традиций. В мировоззрении это проявилось в сохранении культа материнства, например, чувашская пословица «Мать – богиня рода, с нею нельзя ссориться». В культе материнства особая роль отводилась матери-земле, что ярко проявляется в обрядах праздников Акатур у чувашей, Сабантуй – у татар. Первоначальные народные представления о природных явлениях были фантастическими, наивными. Так, чуваши в старину говорили, что ветер производит шайтан, который сидит, прикованный цепью, на краю земли.

В пословицах и поговорках нашло отражение сознание того факта, что природа, Солнце, Земля и другие небесные тела были до человека, будут существовать и после его смерти. Например, русские пословицы: «Земля, вода останутся, нас не будет», «Жили люди до нас, будут жить и после нас»; татарские: «Какова земля, таковы и родники»; чувашские: «Из ничего чего либо не бывает», «Мы все смертны, а мир бессмертен».

Народные пословицы прославляют ум и смекалку, пронизаны любовью и уважением к учению, грамоте и науке. Данная особенность проявляется у всех народов: «Ученье – лучшее богатство» (русские), «Джигит без ремесла – конь без сбруи» (татарские), «Книга всё знает» (чувашские).

Поэтической красотой наполнены загадки всех народов. Например, чувашская: «Если чёрный лебедь прилетает, то белый вынужден улетать. Если белый лебедь прилетает, то чёрный вынужден улетать (смена дня и ночи)». О пристальном внимании чувашей к развитию смекалки, мудрости свидетельствует и факт наличия тройного названия загадок: «кёске юмах» (короткая сказка), «ступмалли юмах» (сказка с отгадыванием), «сутмалли юмах» (сказка с посулом «продать»).

Исторически сходные условия общественного развития народов-соседей, взаимный обмен материальными и духовными ценностями послужили основой и для общности тем, идей и сюжетов многих сказок народов Поволжья. М.И. Иванов, М.Я. Сироткин отмечают единство сюжетной основы чувашских сказок с русскими, марийскими, мордовскими, татарскими, башкирскими, удмуртскими сказками. В качестве примера ими приводятся сказания о взятии Казани, о присоединении Поволжья к Руси, о восстании Степана Разина.

Ярким проявлением духовного мира народа являются его музыкальные традиции. Исследование музыкальной народной культуры Симбирско-Ульяновского края началось ещё в начале XIX века после издания первоначально в «Симбирских губернских ведомостях», а затем и в других губернских газетах «Песенной прокламации». Позднее данную работу проводила Симбирская чuvашская учительская школа, издавшая «Образцы мотивов чuvашских песен и текстов к ним» в двух частях.

Исследователи отмечают, что для музыкальной культуры всех народов Среднего Поволжья характерно наличие приуроченных и неприуроченных песенных жанров. К приуроченным песням относится обрядово-песенный цикл, где особое место занимали зимние и весенне-летние песни и обряды. Наиболее подробно региональные особенности календарных обрядов, в том числе и песенных, в Симбирском Поволжье отражены в книге А.А. Коринского «Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа», вышедшей ещё в 1901 году и впервые переизданной лишь в 1995 году.

Неприуроченные песни – это песни, исполняемые в любое время, при любых обстоятельствах. К ним относятся былины, протяжные песни, баллады, плясовые песни и частушки, городские песни и романсы, военные песни. Наибольшей любовью в симбирских сёлах пользовались протяжные песни.

М.А. Енговатова выявила

две манеры исполнения протяжных песен: «петь с подголоском», «в свой рост» и петь «важненько». Первая – манера громкого пения напряжённым звуком. Вторая – камерное пение для себя. Основными исполнителями таких песен являлись женщины.

Для русских, мордовских, чuvашских песен свойственно групповое исполнение. При этом большое значение в развитии чuvашского песенного творчества имели часто устраиваемые в прошлом состязания по хоровому пению, когда соревновались хороводы разных улиц и даже деревень. По традиции девушки должны были каждую зиму петь новые песни. Невыполнение данного условия вызывало неодобрение, нередко и открытое осуждение старших. Это свидетельствует о наличии у чuvашей целенаправленного музыкального воспитания молодёжи.

Своеобразие татарских песен заключается в одиночном исполнении скорых напевов, лирических протяжных, колыбельных, свадебных, гостевых, хороводных и игровых песен. Причём эпический песенный жанр «байт» у татар, как правило, не поётся, а сказывается одним певцом по текстам, написанным арабским шрифтом многие десятилетия назад. Основное место в татарских сёлах занимала инструментальная музыка.

В Симбирской губернии были распространены гусли, балалайки, барабан. В то же время в сёлах использовались сугубо национальные инструменты: чuvашский музыкальный инструмент – пузырь,

мордовские пастушеские инструменты (трубы из ветвей берёзы или клёна, двойной кларнет из двух скреплённых полых тростниковых трубок, продольные флейты из тростника), татарский курай (свириль из тростника), кубыз (варган), кабал (бубен), домра, мандолина, гармоника. Нередко звучали ансамбли из нескольких инструментов различных размеров и, соответственно, тембров и строев. Общими для большинства народов Поволжья были также глиняные, деревянные, берестяные свистки, служившие для подражания птицам.

Музыкальное хореографическое искусство Среднего Поволжья имеет как общерусские характеристики, так и свои национальные региональные особенности. В татарском танце достаточно прочно сохранились рисунки старинных обрядов, и поэтому они имеют очень яркие национальные особенности. Наиболее часто в татарской хореографии встречаются круговые хороводы. Для мордовского этноса характерны состязательные плясовые песни в сопровождении волынки, скрипки, гармони. Женский танец очень подвижный, лёгкий, свободный, носит игровой характер, но не так стремителен, как татарский. Парные танцы достаточно распространены, а вот перепляс, характерный для русского танца, встречается редко. Танцы чuvашей прости по форме: для них свойственны многократное повторение основного мотива и его варьирование. Хлопание в ладоши является обычным сопровождением чuvашской пляски. Движения девушки мягче и пластичнее, чем в татарском танце. При этом наличие предмета для танца является обязательным. У чuvашей плясали и дети, и старики.

Будучи «открытой» для внешнего диалога, культура территории благодаря внутренней памяти, верности традициям сохранила индивидуальность и самобытность этнокультур народов, проживающих в регионе.

При доминирующем влиянии русской культуры следует признать равноВеличие всех этнокультур региона, их взаимозависимость и взаимовлияние; широту этнокультурных связей; толерантное бесконфликтное взаимодействие этносов региона.

Анна Тихонова,

зав. кафедрой культурологии и музееведения УлГПУ им. И.Н. Ульянова

Фото Сергея Ойкина

